E12
111

№ 125
338

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ УГОРСКОЙ РУСИ.

E 12 141

III.

О ПОДЛОЖНОСТИ ГРАМОТЫ

КНЯЗЯ

ѲЕОДОРА КОРІАТОВИЧА 1360 г.

Критическія замѣчанія А. ПЕТРОВА.

Палеографическій этюдъ И. ХОЛОДНЯКА.

Съ четырьмя снимками.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1906.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 266371966г.

М 125/338 [4 вып.]

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ УГОРСКОЙ РУСИ.

E12—111

III.

О ПОДЛОЖНОСТИ ГРАМОТЫ

КНЯЗЯ

ѲЕОДОРА КОРІАТОВИЧА 1360 г.

Критическія замѣчанія А. ПЕТРОВА.

Палеографическій этюдъ И. ХОЛОДНЯКА.

Съ четырьмя снимками.

XXI.7145

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1906.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№2663719 66г.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Апрѣль 1906 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

О подложности грамоты князя Ѳеодора Коріатовича 1360 г.

Es ist unleugbar, dass selbst die hervorragendsten Männer der Kirche, Geistliche, deren Frömmigkeit und rechtschaffener Lebenswandel hochgepriesen wird— — zu Fälschung und Betrug ihre Zuflucht nahmen, wenn es galt den Besitzstand, die Rechte, das Ansehen ihrer Kirchen zu mehren oder zu vertheidigen.

(Bresslau, Handbuch der Urkundenlehre. 1889. стр. 11).

Używano ich (Korjatowiczów) nazwiska do podrabiania dokumentów.

(K. Stadnicki, Synowie Gedymina. 1881. I, стр. 139, пр. 24).

Подлинность грамоты 1360 г., которою князь Ѳеодоръ Коріатовичъ основалъ монастырь св. Николая близъ Мукачева въ Бережской столицѣ сѣверо-восточной Угріи и назначилъ ему опредѣленные доходы, со времени «Notitia Fundationis Koriathovitsianae» Базиловича[1])—значитъ, болѣе 100 лѣтъ—не подвергалась никакому сомнѣнію[2]). Во всѣхъ сочиненіяхъ, такъ или иначе касающихся угорской Руси, а также литовскихъ князей XIV в. (Коріатовичей), упоминается объ основаніи Ѳеодоромъ Мукачевскаго монастыря, какъ о непреложномъ фактѣ. Этотъ монастырь сталъ впослѣдствіи каѳедрой угрорусскихъ епископовъ, сначала православныхъ, потомъ уніатскихъ, былъ нѣсколько столѣтій центромъ не только церковной, но и вообще всей духовной жизни угрорусскаго народа. Понятно, что каждому, интересующемуся прошлымъ угроруссовъ, приходится непремѣнно остановиться на судьбахъ монастыря св. Николая.

Оригиналъ грамоты хранится въ архивѣ Прессбургскаго капитула[3]).

---

1) I. Basilovits (ordinis s. Basilii Magni in monasterio de monte Csernek ad Munkacs protohegumenus), Brevis notitia Fundationis Theodori, olim Ducis de Munkacs, pro religiosis Ruthenis ordinis S. Basilii Magni. Cassoviae. Pp. I, II, III — 1799; p. IV — 1804; pp. V, VI—1805.

2) Ранѣе Базиловича графъ Баттьяни въ Leges ecclesiasticae Regni Hungariae 1785 г. доказывалъ ея подложность, основываясь на грамотѣ Іоанна Корвина Гуньяда 1493 г. См. ниже приложеніе I.

3) О внѣшнемъ видѣ грамоты см. ниже «Этюдъ» И. И. Холодняка. На оборотѣ грамоты написано: A° 1634. Athanasius Krupecky, Episcopus Premisliensis et Samboriensis.

Доселѣ грамота была извѣстна лишь по изданію Базиловича, перепечатавшаго текстъ ея изъ «Episcopi Agrienses» Шмитта[1]). Въ этомъ изданіи оригиналъ далеко не точно переданъ, исправлены ошибки, стерта характерная для XIV в. орѳографія[2]). Поэтому мы надѣемся, что facsimile фотографическаго снимка, сдѣланнаго по нашему заказу въ натуральную величину съ оригинала однимъ прессбургскимъ фотографомъ, не будетъ признано излишнимъ[3]).

Стрыйковскій надолго внесъ путаницу въ біографію Ѳеодора Коріатовича. Съ его словъ повторялось, что Ѳеодоръ, сынъ Коріата Гедиминовича, былъ княземъ Подолья во время Ольгерда, возсталъ противъ него и долженъ былъ въ 1339 г. удалиться въ Угрію, гдѣ и скончался. Въ концѣ же XIV в. владѣлъ Подольемъ какой-то другой Ѳеодоръ Коріатовичъ, не желавшій признать власть Витовта, около 1394 г. побѣжденный послѣднимъ и умершій въ Вильнѣ въ заточеніи.

Конечно, были вносимы разныя поправки и измѣненія въ разсказъ Стрыйковскаго: одни (Нарушевичъ, Энгель)[4]) отодвигали прибытіе Ѳеодора въ Угрію къ 1352—1354 г., другіе (Легоцкій)[5]) считали, что и въ половинѣ XIV в. и въ концѣ его является въ Угрію одинъ и тотъ же Ѳеодоръ Коріатовичъ. Но борьба его съ Ольгердомъ за Подолье и переселеніе въ половинѣ XIV в. въ Угрію, гдѣ ему были дарованы угорскими королями Мукачевскій замокъ и Мукачевская доминія,—все это считалось исторически достовѣрнымъ.

К. Стадницкій[6]) доказалъ несостоятельность соображеній Стрыйковскаго и выяснилъ причины недоразумѣнія. Намъ остается только повторить выводы Стадницкаго.

Въ дѣйствительности существовалъ только *одинъ* Ѳеодоръ Коріатовичъ, 4-й сынъ Коріата. Ѳеодоръ наслѣдовалъ отъ отца Новгородъ Литовскій. По смерти трехъ старшихъ братьевъ[7]) онъ переселился въ Подолье, гдѣ и сталъ княжить. Вступивъ въ столкновеніе съ Витовтомъ, онъ въ 1393 г. долженъ былъ покинуть Подолье и удалиться въ Угрію, гдѣ владѣлъ Мука-

---

1) N. Schmitth, Episcopi Agrienses. 1768. (Basilovits, Praefatio ad Lectorem.) Сочиненія Шмитта мы не могли найти въ С.-Петербургѣ.

2) См. Приложеніе IV.

3) Табл. I.

4) Engel, Geschichte von Halitsch und Wladimir. II, 1792.

5) I, 157. См. ниже.

6) K. Stadnicki, Synowie Gedymina. Wyd. nowe. Lvów. 1881. I, 159—181.

7) Юрій † послѣ 1374 г.; Александръ † послѣ 1380; Константинъ † послѣ 1389 г. Ср. Wolff, Kniaziowe litewsko-ruscy. Warszawa. 1895, стр. 177.

чевомъ и умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ. Ссылаясь на Шараневича[1]), Стадницкій передаетъ, что въ Лелесскомъ аббатствѣ (Земплинской столицы) хранится нѣсколько грамотъ Ѳеодора и въ одной изъ нихъ 1408 г. онъ именуется: Princeps Theodorius, dux Podoliae et comes comitatus Beregh. По его смерти остались двѣ дочери, Анна и Марія[2]).

Иные считаютъ, что не Витовтъ, а Ягайло въ 1393 г. захватилъ Ѳеодора въ плѣнъ, освободившись изъ котораго, послѣдній удалился въ Угрію[3]).

Здѣсь конечно не мѣсто разбираться въ этихъ противорѣчіяхъ.

Мы имѣемъ возможность значительно пополнить свѣдѣнія о пребываніи Ѳеодора Коріатовича въ Угріи. Занимаясь въ архивѣ упомянутаго Лелесскаго конвента—къ сожалѣнію, слишкомъ короткое время—мы, между прочимъ, сдѣлали выписки и изъ нѣкоторыхъ документовъ, касающихся Ѳеодора. Впослѣдствіи мы ознакомились съ монографіей «Бережская столица» г. Т. Легоцкаго[4]), мѣстнаго Мукачевскаго ученаго, страстнаго археолога, крайне добросовѣстнаго и неутомимаго труженика, изучившаго мѣстные архивы и добывшаго изъ нихъ множество матеріаловъ. Оказалось, что въ его монографіи значительная часть документовъ уже отмѣчена, и передано вкратцѣ ихъ содержаніе[5])—къ сожалѣнію большею частію только помадьярски, между тѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ важно было бы знать подлинный латинскій текстъ. Кое-что однако въ нашихъ выпискахъ нашлось такое, чего нѣтъ у Легоцкаго, но также и наоборотъ. Печатая въ приложеніи II вкратцѣ содержаніе документовъ, отмѣченныхъ и Легоцкимъ и нами, сообщаемъ здѣсь добытые результаты.

Князь Ѳеодоръ явился въ Угрію, конечно, не одинокимъ. Кромѣ семьи, съ нимъ переселились и братъ его, князь Василій[6]) (родной ли братъ, или только близкій родственникъ, рѣшить не беремся), и родственники (?) ихъ: Станиславъ, сынъ Іоанна, Іоаннъ, Петръ, Георгій и Богданъ. Въ другомъ мѣстѣ Легоцкій называетъ еще въ числѣ родственниковъ Андрея Пана Kaffai (Kaffai Pán Endre)[7]) и Helele Kaffai.

---

1) J. Szaraniewicz, Rządy Władysława xięcia Opolskiego na Rusi. Bibl. Ossol. IV. 1864, стр. 287. Шараневичу сообщены были эти свѣдѣнія И. Бидерманомъ, тогда проф. въ Инсбрукѣ.

2) Шараневичъ, l. c.: Его вдовѣ и дочерямъ Аннѣ и Маріи Сигизмундъ даровалъ доходы въ Мараморошѣ.

3) A. Prochaska, Podole lennem korony 1352—1340. Kraków. 1895, стр. 7 и пр. Годъ освобожденія Ѳеодора — 1403, разумѣется, не вѣренъ.

4) T. Lehoczky, Beregvármegye monographiája. Ungvár. I (459 стр.) и II—(501 стр.)—1881; III (860 стр.) 1882.

5) I, 138—140.

6) Стадницкій, стр. 180—181, упоминаетъ о Василіи Коріатовичѣ, выдавшемъ на себя запись Ягайлѣ въ 1403 г., но считаетъ его происходящимъ изъ другаго рода. Очевидно Стадницкій ошибся. Ср. Wolff, Ród Gedymina. Kraków. 1886, стр. 71.

7) I, 138 и III, 534. Bidermann, Die Ungarischen Ruthenen. Innsbruck. 1862, стр. 8, пр. 2,

Прямо ли изъ Подолья прибылъ Ѳеодоръ въ Угрію, или же, можетъ быть, справедливо извѣстіе Стрыйковскаго, что онъ былъ взятъ въ плѣнъ Витовтомъ (или Ягайломъ—см. выше) и потомъ освобожденъ, не знаемъ. Но въ 1398 г. Ѳеодоръ уже владѣетъ Мукачевомъ и жалуетъ, съ согласія короля Сигизмунда, Станиславу и др. лицамъ село Sarkad, входившее въ составъ Мукачевской доминіи [1]).

Ѳеодоръ титулуется первый разъ, какъ dux Podoliae et dominus de Munkács, въ 1401 г.. Мукачевская доминія остается за нимъ до смерти [2]).

Кромѣ того, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ занимаетъ должность наджупана (comes, főispán) Бережской столицы, а именно въ 1404, 1406, 1407, 1408 гг., при чемъ въ 1404 г. именуется наджупаномъ не только Бережскимъ, но и Уйварскимъ. Въ составленномъ Легоцкимъ по архивнымъ даннымъ спискѣ Бережскихъ наджупановъ онъ упоминается еще въ 1400 и 1411 гг. [3]). Въ 1412 г. эту должность занимаетъ уже другое лицо—палатинъ Николай Garai [3]). Скончался Ѳеодоръ въ 1414 г., повидимому въ Угріи.

Вдова его, Walha [4]), носитъ титулъ ducissa de Munkács, слѣдовательно за ней сохранена была Мукачевская доминія (вся или нѣтъ, не знаемъ): въ 1417 г. упоминается о принадлежности ей села Мукачевской доминіи [5]), Макарьева (Makaria, Бережской ст.). Въ 1416 и 1417 гг. комендантами Мукачевскаго замка названы вышеупомянутые родственники Ѳеодора Kaffai Андрей Панъ и Helele [6]). Послѣдній въ 1415 и 1418 г. именуется officialis ducissae de Munkács.

Кромѣ того вдовѣ Ѳеодора и дочерямъ Аннѣ и Маріи принадлежали значительныя владѣнія въ Мараморошѣ, доходы съ которыхъ за два года исчислялись въ 500 золотыхъ флориновъ.

Послѣдній разъ ducissa de Munkács упоминается въ 1418 г.

Послѣ нея владѣлъ Мукачевомъ Матвѣй Pálóczy, вскорѣ послѣ него извѣстный Стефанъ Лазаревичъ († 1427 г.), а въ 1428 г. Юрій Бранковичъ [7]).

Такимъ образомъ всѣ достовѣрныя документальныя данныя свидѣтель-

---

ссылаясь на Szirmay, Not. com. Ugocs. p. 138 сообщаетъ, что въ одной грамотѣ 1416 г. упоминается Ondrej Pan de Kaffa (Andreas, Herr v. Kaffa).

1) Опись Мукачевскихъ владѣній 1731 г. Leh. III, 596.

2) Можетъ быть онъ владѣлъ также и Маковицей? (См. Приложеніе III, стр. 294).

3) Leh. I, 353.

4) L. Thuróczi, Hungaria suis cum regibus. 1729, называетъ ее Доминикой, Дулишковичъ, Историч. черты Угрорусскихъ (II, 14), замѣняетъ это имя соотвѣтствующимъ греческимъ—Киріака.

5) Опись 1731 г. Leh. III, 596.

6) Leh. I, 140 и III, 354.

7) Leh. III, 543.

ствуютъ о *пребываніи Ѳеодора Коріатовича въ Угріи съ конца XIV в. до 2-го десятилѣтія XV в.*

Тѣмъ не менѣе Стадницкій, Легоцкій[1]) и др.[2]) считаютъ несомнѣннымъ, что Ѳеодоръ и ранѣе, именно въ половинѣ XIV в., былъ уже въ Угріи и владѣлъ Мукачевомъ.

Основаніемъ для такого ихъ мнѣнія служатъ: во-первыхъ, извѣстія позднѣйшихъ мадьярскихъ историковъ о слѣдахъ дѣятельности Коріатовича въ Угріи и во-вторыхъ—грамота 1360 г.

Въ приложеніи III вкратцѣ излагаемъ помѣщенныя у Стадницкаго извѣстія мадьярскихъ историковъ, дополнивъ ихъ изъ другихъ источниковъ.

Всѣ эти извѣстія свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что среди угрорусскаго населенія сохранилось много преданій о Ѳеодорѣ Коріатовичѣ[3]), и что съ его именемъ связывали различныя полезныя начинанія, но исторической достовѣрности эти, поздно записанныя и неизвѣстно когда возникшія, преданія имѣть, конечно, не могутъ. Время дѣятельности Ѳеодора Коріатовича по бо̀льшей части въ нихъ не опредѣляется, какъ это и слѣдуетъ ожидать отъ народныхъ воспоминаній. Только у Иштванфи и Туроци мы находимъ болѣе точныя даты: «въ царствованіе Карла и Людовика, въ 1370(1360) г. при Людовикѣ I», но онѣ далеко не могутъ имѣть значенія непреложнаго свидѣтельства и въ виду ихъ поздняго происхожденія и въ виду того, что оба автора (а ужъ Туроци—непремѣнно) могли быть прямо или косвенно знакомы какъ съ выводами Стрыйковскаго, такъ и съ грамотой 1360 г.

Такимъ образомъ *единственнымъ* доказательствомъ того, что Ѳеодоръ Коріатовичъ былъ въ Угріи въ половинѣ XIV в., остается грамота 1360 г., и это уже само по себѣ заставляетъ отнестись къ ней не съ особымъ довѣріемъ.

Но мало того: *до конца XVII в. наша грамота скрыта какъ бы подъ спудомъ.*

---

1) Легоцкій (I, 137) полагаетъ, что пребываніе его здѣсь было непродолжительнымъ, Стадницкій же—многолѣтнимъ: Taka czynność, takie fundacye, jeżeli, jak kroniki węgierskie mówią, (т. е. собственно только Туроци), twierdza Munkacs stanęła dopiero w r. 1370., wskazują na długoletni pobyt T. na ziemi węgierskiej». О фундаціяхъ скажемъ ниже; что же касается 1370 г., то тутъ, повидимому, вкралась ошибка. Цитаты изъ мадьярскихъ хроникъ взяты Стадницкимъ, кажется, изъ Notitia Базиловича, а у послѣдняго стоитъ въ выдержкѣ изъ Туроци: ad annum MCCCLX, а не MCCCLXX, какъ напечатано Стадницкимъ. Самаго сочиненія Туроци у насъ, къ сожалѣнію, подъ руками не было.

Wolff, Kniaziowie litewsko-ruscy, стр. 177 ссылается на Стадницкаго.

Тоже и Грушевскій, История Украіни—Руси. Львовъ, 1903, т. IV, стр. 148.

2) Литературу предмета см. Леонтовичъ, Очеркъ исторіи литовско-русскаго права; стр. 347, 359 и сл.; Prochaska, Podole lennem korony, passim.

3) Возможно, конечно, что нѣкоторыя изъ преданій не были чисто народными, а возникли, такъ сказать, искусственно, книжнымъ путемъ, имѣя точку опоры въ преданіи объ основаніи Коріатовичемъ Мукачевскаго монастыря, считавшемся въ XVII, XVIII вв. неоспоримымъ фактомъ.

У Базиловича въ 1-ой части напечатано около 40 разнаго рода документовъ[1]), относящихся ко времени до 1690 г. Изъ этихъ документовъ только въ *девяти*[2]) (два—XV в., остальные—XVII в.) идетъ вполнѣ или отчасти рѣчь о владѣніяхъ и доходахъ монастырскихъ и, слѣдовательно, естественно ожидать найти именно въ нихъ хотя бы какой-нибудь намекъ на грамоту 1360 г.[3]).

Разсмотримъ же эти документы.

1) Матвѣя Корвина 1458 г. въ пользу пресвитера Луки, котораго ad plebaniam ruthenicalem S. Nicolai prope possessionem Munkacs, Monostor vocatam— —auctoritate nostra Regia, qua hujusmodi plebania more praedecessorum nostrorum regum Hungariae ad nostram collationem pertinere dignoscitur, duximus eligendum et nominandum eandemque eidem simul cum duabus possessionibus, puta Bubowisthye et Lauka vocatis, ad eandem plebaniam ab antiquo spectantibus, pariterque cunctis ipsarum plebaniae et possessionum utilitatibus, proventibus и т. д. duximus denuo et ex novo dandam et conferendam— —.

2) Его же 1488 г. въ пользу того же Луки. Король приказываетъ разобрать дѣло о насиліяхъ, нанесенныхъ Бенедиктомъ, плебаномъ de Iwany, монахамъ Луки, собиравшимъ десятину вина.

Въ этихъ ближайшихъ по времени къ Ѳеодору Коріатовичу грамотахъ нѣтъ ни прямыхъ, ни косвенныхъ указаній на грамоту 1360 г., ничего не говорится объ основаніи монастыря Ѳеодоромъ, и даже имя его не упоминается. Изъ всѣхъ дарованныхъ по грамотѣ 1360 г. доходовъ упоминается только о сборѣ десятины вина (вѣроятно въ Jwany-hegg); Бобовиште и Лавка оказываются принадлежащими монастырю не по дарованію Ѳеодоромъ, а ab antiquo (съ незапамятныхъ временъ). Наконецъ вмѣсто monasterium, claustrum S. Nicolai, говорится въ первой грамотѣ о какой-то plebania ruthenicalis S. Nicolai prope possessionem Munkacs, Monostor vocata.

Полное молчаніе 1-ой грамоты о Ѳеодорѣ Коріатовичѣ особенно странно въ виду того, что *только за семь лѣтъ до ея изданія* отецъ Матвѣя Корвина, Янъ Гуньядъ, въ грамотѣ отъ 10-го января 1451 г. подтвердилъ горожанамъ Мукачева право пользованія тѣми лѣсами, которыми они

---

1) Мы не касаемся вопроса о подлинности нѣкоторыхъ изъ нихъ. Замѣтимъ только, что будущему историку угрорусскаго народа слѣдуетъ отнестись къ нимъ съ крайней осторожностью.

2) Грамота императора Фердинанда I 1552 г. должна быть оставлена въ сторонѣ. Въ ней императоръ разрѣшаетъ епископу Ладиславу возстановить мельницу на р. Латорицѣ близъ самаго монастыря, quod molendinum tempore desolationis— —claustri periérat. Въ грамотѣ 1360 г. упоминается мельница, но не у монастыря, а при селѣ Бобовище.

3) Въ остальныхъ 30 и подавно нѣтъ ничего ни о Ѳеодорѣ Коріатовичѣ, ни о нашей грамотѣ.

пользовались *при князѣ Ѳеодорѣ*, Матвѣѣ (т. е. Pálóczy) и сербскомъ деспотѣ [1]).

Перейдемъ къ XVII в.

Въ 1640 г. комендантъ находившагося въ рукахъ Георгія I Ракоци Мукачевскаго замка I. Балингъ арестовалъ принявшаго унію епископа Василія Тарасовича и захватилъ монастырь и принадлежащее ему имущество и доходы. Императоръ Фердинандъ III употребилъ всѣ усилія къ освобожденію епископа и къ возвращенію захваченнаго Балингомъ. Сохранилась цѣлая переписка (1641 г.) по этому дѣлу. Для насъ имѣютъ значеніе:

3) Письмо Фердинанда III къ Балингу: арестъ епископа былъ произведенъ nulla habita Ecclesiasticae praerogativae et Privilegiorum a divis condam Hungariae Regibus, Praedecessoribus nostris Monasterio illius loci attributorum. Арестъ епископа и конфискація имуществъ etiam *primaevae fundationi illius monasterii* plurimum derogare videretur— —.

4) Въ инструкціи Фердинанда III S. Eorsy, отправленному имъ къ Ракоци, повторяется почти буквально: quod factum— —*primaevae insuper fundationi illius beneficii* plurimum derogare manifestum est.

5) Протестъ Гевешскаго архидьякона S. Varro отъ имени Тарасовича передъ Ягерскимъ капитуломъ: Балингъ—арестовалъ епископа, bona quoque universa— —*ex vi fundationis* ad idem monasterium spectantia— —occupasset— —.

6) Протестъ протопопа Іоанна Маринца отъ имени того же Тарасовича передъ графомъ I. Другетомъ, наджупаномъ Бережскимъ и Земплинскимъ: Балингъ арестовалъ епископа, bona insuper universa— —ad idem monasterium *ex antiqua fundatione* spectantia— —occupasset.

Такимъ образомъ и въ этихъ документахъ нѣтъ ничего о грамотѣ 1360 г. и о Ѳеодорѣ Коріатовичѣ. Говорится только о какой-то antiqua fundatio и о привилегіяхъ, данныхъ монастырю предшественниками Фердинанда III, угорскими королями.

7) Столь же неопредѣленныя выраженія находимъ мы въ декретѣ императора Леопольда I 1659 г., которымъ онъ назначаетъ Петра Парѳенія Мукачевскимъ епископомъ: повелѣваемъ omnia,— —ad dictum episcopatum *ex fundatione* vel quolibet modo pertinentia,— —manibus dicti episcopi assignare— —.

8) Въ 1660 г. Мукачевъ находился въ рукахъ вдовы Георгія II Ракоци, Софіи Батори. Императоръ Леопольдъ I поручаетъ Прессбургской королевской камерѣ отправить кого-нибудь изъ совѣтниковъ камеры къ Софіи, чтобъ убѣдить ее дозволить Петру Парѳенію вступить въ дѣйствительное

---

1) Leh. III, 431—изъ Мукачевскаго городского архива.

обладаніе каѳедрой и монастыремъ со всѣми его владѣніями и доходами. Между прочимъ въ декретѣ говорится: Ex relatione— —Archiepiscopi Strigoniensis intelligimus in comitatu de Beregh— —in Munkács— —exstare monasterium Ordinis s. Basilii, *a piis principibus et regibus Hungariae ante aliquos centenos annos fundatum*, decimis, colonis и т. д. dotatum ita, ut ibi *episcopus Gr. R.* ex ordine Basilianorum *Catholicae Romanae Ecclesiae unitorum* resideret, episcopum ageret и т. д.; de quibus omnibus *literae fundationales et originales ac donationales haberentur de facto.*— — Quare— —mandamus, ut— —quempiam ex consiliariis camerae nostrae— —ad— —Principissam viduam *cum donationalibus ipsis literis ac eorum paribus* expedire non intermittatis, qui— —Parthenium installare— —debeat— —.

9) Прессбургская камера въ исполненіе повелѣнія императора въ томъ же году постановляетъ, чтобы одинъ изъ совѣтниковъ acceptis ad se literis Suae Majestatis— — ad eandem— —Principissam— —proficiscatur, praesentatisque— —iisdem literis Suae Majestatis— —eander omnibus modis et argumentis tam *ex ipsis donationalibus Regiis*, quam mandato Suae Majestatis— —disponat, ut se— —Suae Majestatis voluntati— —accomodet— —.

Такимъ образомъ, по словамъ Леопольда, монастырь *основанъ угорскими королями*, сохранилась и грамота—*literae fundationales* (очевидно, данная кѣмъ-нибудь изъ *королей угорскихъ*—Прессбургская камера называетъ ее *donationales regiae*), которая въ *оригиналѣ и копіи* и должна быть представлена Софіи. Въ этой грамотѣ, будто бы, говорится не только объ основаніи монастыря, но и объ *учрежденіи* въ немъ *каѳедры уніатскаго епископа*.

Очевидно, если такая грамота и была *(никакихъ слѣдовъ подобной грамоты мы потомъ не находимъ)*, она ничего общаго не имѣетъ съ грамотой 1360 г.

Такимъ образомъ, *въ теченіе 330 лѣтъ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія ни о грамотѣ 1360 г., ни о Ѳеодорѣ Коріатовичѣ*, и если въ XVII в. и говорится о какой-то fundatio, litterae fundationales, то разумѣется, очевидно, не наша грамота, хотя она въ 1634 г. уже существовала и находилась въ рукахъ у Аѳанасія Крупецкаго[1]).

Только когда примасъ Угріи, кардиналъ Леопольдъ Колоничъ, для фактическаго осуществленія бывшей до него лишь номинальной уніи призвалъ на Мукачевскую каѳедру Іосифа де-Камелисъ и позаботился о лучшемъ матеріальномъ его обезпеченіи, *только тогда въ первый разъ* появляется на свѣтъ грамота 1360 г.

1) См. выше стр. 270, пр. 3.

Въ 1690 г., по просьбѣ Іосифа де-Камелисъ, Прессбургскій капитулъ выдалъ ему транссумптъ хранившихся въ Прессбургѣ грамотъ: Коріатовича 1360 г., Матвѣя Корвина 1458 и 1488 гг. На основаніи грамоты 1360 г. Колоничъ, бывшій въ то же время опекуномъ малолѣтнихъ Франца и Юліаны Ракоци, приказалъ администратору всѣхъ Ракоціевскихъ имѣній, Ф. Клобушицкому, торжественно передать Іосифу де-Камелисъ какъ Бобовиште и Лавку, такъ и другіе, упомянутые въ грамотѣ, доходы монастыря. Для приданія бо̀льшаго авторитета этому акту императоръ Леопольдъ I въ 1693 г. своимъ декретомъ подтвердилъ грамоту 1360 г. вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими документами о вводѣ Іосифа де-Камелисъ во владѣніе монастыремъ. Іосифъ де-Камелисъ передалъ въ 1694 г. декретъ Леопольда на храненіе въ архивъ Ягерскаго капитула[1]). Съ этихъ поръ грамота 1360 г. пріобрѣтаетъ незыблемый авторитетъ.

Такова загадочная исторія нашей грамоты.

Остановимся теперь на закрѣпленномъ грамотой фактѣ: *въ половинѣ XIV в. Мукачевомъ владѣлъ князь Ѳеодоръ Коріатовичъ*. Намъ этотъ фактъ кажется весьма сомнительнымъ, именно, по слѣдующимъ основаніямъ.

Во-первыхъ, мало вѣроятно, чтобы очень молодому человѣку—вѣдь послѣ 1360 г. Ѳеодоръ жилъ еще 54 года, а Мукачевъ получилъ, очевидно, ранѣе 1360 г. — притомъ одному изъ второстепенныхъ литовскихъ князей (4-му сыну 4-го сына Гедимина), который врядъ ли успѣлъ уже оказать серьезныя услуги Угріи и отъ котораго врядъ ли угорскіе короли могли разсчитывать извлечь особыя для себя выгоды, вручена была такая важная пограничная крѣпость, какъ Мукачевъ[2]), такое громадное имѣніе, какъ Мукачевская доминія. Въ доминіи онъ пользуется столь широкою властью, что, не обращаясь за разрѣшеніемъ или подтвержденіемъ къ королю, основываетъ монастырь, да еще православный[3]), даетъ ему населенныя земли и другіе доходы, между тѣмъ какъ въ 1398 г. для пожалованія приближеннымъ одного только села требуется подтвержденіе короля.

Во-вторыхъ, Легоцкій приводитъ рядъ архивныхъ данныхъ, доказывающихъ, повидимому, что съ 1353 г. въ Мукачевской доминіи распоряжалась королева Елизавета, а послѣ нея—жена Сигизмунда, Марія. Только по смерти Маріи въ 1395 г. доминія перешла къ Сигизмунду[4]).

---

1) Basil. II, 1—5.

2) Уже въ 1332 г. Мукачевъ называется castrum. Leh. III, 543.

3) Во время ревностныхъ къ католичеству Анжуйцевъ.

4) Въ 1353 г. Елизавета даетъ жителямъ Берегсаса, а въ 1354 городу Вари право рубить дрова in silvis reginalibus. Въ 1364 г. издаетъ распоряженіе противъ Бережскаго

Обратимся наконецъ къ самой грамотѣ.

1) *Nos Teodorus Keriatovich, Dei gracia dux de Munkach.* Конечно, въ 1360 г. Ѳеодоръ не былъ еще dux Podoliae и, значитъ, не могъ такъ и титуловаться, но во всякомъ случаѣ малообычно употребленіе *отчества* въ титулѣ владѣтельнаго лица, да еще въ латинской грамотѣ—не по латыни (въ родѣ напр. filius Koriat или скорѣе filius Michaelis, alias Koriat)[1]), а на народномъ языкѣ, въ данномъ случаѣ на русскомъ[2]). Особенно это неумѣстно въ грамотѣ, назначенной не для родины, а для чуждой страны, гдѣ имя отца Ѳеодора врядъ ли могло вызвать какое-нибудь опредѣленное представленіе. Сомнительна и форма Keriatovich вм. Koriatovich[3]).

2) *De proventibus eiusdem castri nostri Munkach teneantur dare—— centum florenos longos.*

Florenus longus, мад. vonás forint, по Чапловичу еще въ концѣ XVIII в. употреблялся въ сдѣлкахъ, какъ воображаемая денежная единица[4]), и равнялся 3 маріашамъ или 51 кр. Какъ монета, florenus longus = 57 кр. и его антитезъ, florenus brevis, kurta forint = 50 кр., употреблялись, по словамъ Симончича[5]), до 1723 г. Въ XVII в. florenus longus приравнивался къ florenus Rhenensis = 60 кр. Такъ въ письмѣ Л. Колонича къ С. Краснаи[6]) по дѣлу о передачѣ Іосифу де-Камелисъ доходовъ, опредѣленныхъ грамотой 1360 г.: centum florenos longos, id est Rhenenses. Въ діаріи Камелиса[7]): Pro anno 1692 accepi——pecuniarum Rhen. flor. centum.

Когда вошли въ употребленіе floreni longi, мы сказать не умѣемъ. Въ словарѣ Бартала подъ florenus longus указано: см. vonás forintones. Подъ

поджупана Іоанна за его насилія въ Eszény (Саболчской столицы на границѣ Бережской). Въ 1376 г. даруетъ городу Мукачеву право имѣть свою печать; въ 1378 г. подтверждаетъ валахамъ и кнезамъ (kenézek) Бережской Крайны ихъ привилегіи. Въ томъ же году даетъ причисленнымъ къ Бережской столицѣ valachi reginales привилегій и учреждаетъ должность кнеза (kenézség). Leh. I, 138.

Послѣдняя грамота подтверждена королевой Маріей въ 1383 г. Ср. Bidermann, Die Ungarischen Ruthenen, II, 48: Im J. 1383 übertrug die Königin Maria im Einverständnisse mit der Königin—Wittwe Elisabeth das Keneziat über alle in den Komitaten Beregh und Szathmár befindlichen Rumänen den drei Söhnen des weiland Stanislo, welcher Wajda der rumänischen Ortschaft Kereczke in der Marmaros gewesen war. (Szirmay, Szathmár Vármegye. Ofen. 1809. I, 8).

1) Стадницкій I, 141, пр. 27.

2) Хотя такія титулованія и встрѣчаются. См. Radzimiński, Arch. ks. Lubartowiczów Sanguszków. 1887 г. I, № XXVII, a. 1420: Nos Boleslaus alias Swidrigaill D. gr. dux Olgarthowicz.

3) Отмѣтимъ, кстати, что буква К написана позднѣе всего текста. См. снимокъ.

4) Gibt es auch eingebildete Münzen, zum Beispiel: Vonás Gulden. Csaplovics, Gemälde von Ungern. Pest. 1829. II, 108.

5) I. Simonchicz, Dissertatio de Numismatica Hungariae Diplomaticae accomodata. Vienna. 1794. См. Bartal, Glossarium mediae et infimae latinitatis regni Hungariae. Budapest. 1901. подъ словомъ: kurta forint.

6) Basil. II, 13.

7) Ib. II, 14.

vonás forintones помѣщена выдержка изъ Нумизматики Симончича, гдѣ дѣлается ссылка *только* на нашу грамоту 1360 г. Далѣе Симончичъ пишетъ: Hos florenos longos censet esse vonás forintones = 51 kr. Cl. Pray; ego vero— —inquam esse auri florenos majores; nihil enim facilius commutatur, quam magnus et longus. То же самое повторяетъ Симончичъ въ своей Dissertatio epistolica, адресованной Базиловичу и напечатанной послѣднимъ IV, 245—250.

Симончичъ такимъ образомъ считалъ florenus longus *необычнымъ* для XIV в. и не соглашался съ Праемъ, отождествлявшимъ floreni longi грамоты 1360 съ позднѣйшими floreni longi—vonás forintones. Но такъ какъ Симончичъ не имѣлъ никакихъ сомнѣній въ подлинности нашей грамоты, то ему естественно было предположить, что этотъ необычный терминъ есть лишь не вполнѣ точное обозначеніе какой-нибудь дѣйствительно тогда употреблявшейся монеты, и, конечно, auri floreni majores ближе всего подходятъ по смыслу къ floreni longi.

Намъ лично тоже помнится, что въ угорскихъ историческихъ документахъ XIII, XIV вв. не встрѣчается florenus longus. Во время пребыванія нашего въ 1890 или 1891 г. въ Будапештѣ (кажется) мы бесѣдовали между прочимъ объ этомъ съ извѣстнымъ мадьярскимъ историкомъ, каноникомъ Поромъ (Pór), и онъ подтвердилъ наше наблюденіе, высказавъ, что въ XIV в. florenus longus въ Угріи еще не былъ въ ходу. Слова его тогда же были нами записаны.

Итакъ, florenus longus служитъ, повидимому, сильнымъ аргументомъ противъ подлинности грамоты.

3) Грубыя ошибки въ латинскомъ языкѣ[1]), хотя и являются очень странными, не могутъ, однако, служить доказательствомъ подложности. Въ далекой окраинѣ Угріи у Ѳеодора Коріатовича могло не найтись подъ рукою достаточно знающаго латинскій языкъ человѣка для составленія концепта грамоты.

4) Палеографическая сторона имѣетъ, конечно, особо важное значеніе. По нѣкоторымъ изъ вышеприведенныхъ соображеній грамота 1360 г. давно казалась намъ подозрительной. Когда же мы въ Пресбургѣ ознакомились съ оригиналомъ ея, эти подозрѣнія перешли почти что въ увѣренность. Намъ бросился въ глаза характеръ буквъ, не только рѣзко отличающійся

---

1) Monasterium— —*quem;* ad *eundem* (monasterium); de monte, *que* vocatur; de campo illius ville, *qua* vocatur; quatuor vasa *vina;* claustro— —*quem* nos fundavimus; quicunque— —istam donacionem nostram non *obstaret* (Bas.—observaret) vel contradiceret; cum anima nostra *litem* habeat *protrahendi;* literas nostras sigili nostri appensione roboratas eidem claustro nostro duximus *roboratas.*

отъ обычнаго въ XIV в. письма грамотъ[1]), но сравнительно мало напоминающій и письмо книгъ того времени. И самый почеркъ показался намъ нѣсколько неестественнымъ, напряженнымъ: писецъ точно скорѣе вырисовывалъ непривычныя для него начертанія.

Будучи однако, такъ сказать, начетчикомъ, а не палеографомъ-спеціалистомъ, мы могли только высказать въ общихъ чертахъ наши сомнѣнія, но не чувствовали себя способными доказать ихъ. Поэтому мы обратились къ многоуважаемому проф. И. И. Холодняку съ просьбой принять на себя трудъ оцѣнки грамоты съ палеографической точки зрѣнія. Результаты своихъ наблюденій онъ изложилъ въ печатаемомъ ниже «Палеографическомъ этюдѣ», за который приносимъ ему глубокую благодарность. Его выводъ: «*XIV в. во всякомъ случаѣ она принадлежать не можетъ*» — дѣлаетъ уже окончательно несомнѣнной *подложность грамоты Ѳеодора Коріатовича 1360 г.*

Но съ установленіемъ ея подложности возбуждаются дальнѣйшіе вопросы:

1) Кѣмъ была поддѣлана грамота?

Опредѣленныхъ лицъ, конечно, назвать нѣтъ возможности, но, очевидно, is fecit, cui prodest, т.-е. виновниками подлога могли быть только лица, судьба которыхъ такъ или иначе была связана съ судьбой монастыря — какой-нибудь выдающійся членъ монашеской братіи, игуменъ, или Мукачевскій епископъ или, наконецъ, можетъ быть, и посторонняя вообще монастырю личность, но по какимъ либо своимъ особымъ цѣлямъ или ad majorem Dei gloriam считавшая нужнымъ лучше обезпечить Мукачевскую каѳедру или монастырь.

2-й и 3-й вопросы: въ какое время совершенъ подлогъ, и почему грамота помѣчена именно 1360 г.?

На нихъ врядъ ли возможно дать сколько-нибудь удовлетворительные отвѣты за полнымъ отсутствіемъ положительныхъ данныхъ.

Судя по датѣ грамоты, она могла быть составлена лишь тогда, когда было забыто дѣйствительное время жизни и дѣятельности Ѳеодора Коріатовича въ Угріи — значитъ, много лѣтъ спустя по его смерти. Если грамота Іоанна Корвина 1493 г. подлинна—намъ, по крайней мѣрѣ, она скорѣе кажется таковой—то наша грамота является уже вторичнымъ подлогомъ[2]), послѣ того какъ первая подложная грамота не достигла своей цѣли и была

1) На табл. III и IV предлагаемъ образцы письма грамотъ XIII и XIV вв. изъ ближайшихъ къ восточной Угріи мѣстностей—Польши и Трансильваніи. Снимки №№ 1, 2, 3 и 6 были любезно предоставлены въ наше распоряженіе С. Л. Пташицкимъ, остальные собраны нами въ Угріи.

2) Грамота 1493 г. признана подложной не наша 1360 г. грамота, а какая-то иная. См. приложеніе I, стр. 290.

кассирована, и, слѣдовательно, время ея возникновенія лежитъ между 1493 и 1634 годами.

Еще одно соображеніе.

Выборъ для датировки года изъ половины XIV в. не можетъ ли быть объясненъ вліяніемъ Стрыйковскаго? Тогда подлогъ пришлось бы отнести къ концу XVI и къ началу XVII в., когда православной церкви угрожала опасность не только отъ католичества, но и отъ мадьяръ кальвинистовъ, отнимавшихъ имущества и доходы у православныхъ, и когда православные дѣятели (хотя бы нѣкоторые), видя въ принятіи уніи исходъ изъ своего тяжелаго положенія, могли разсчитывать, что въ такомъ случаѣ австрійское правительство не будетъ особенно строго относиться къ предъявляемымъ грамотамъ[1]).

Отвергая подлинность грамоты 1360 г., мы, однако, вовсе не думаемъ также рѣшительно отвергать достовѣрность мѣстнаго преданія объ основаніи Мукачевскаго монастыря Ѳеодоромъ Коріатовичемъ. Весьма возможно, что монастырь дѣйствительно имъ былъ основанъ, но, конечно, не въ 1360 г., а между 1393—1398 и 1414 годами. Но возможно (и даже вѣроятнѣе) и то, что монастырь существовалъ уже до Ѳеодора и, можетъ быть, задолго; Ѳеодоръ же принялъ на себя заботы о монастырѣ, улучшилъ его матеріальное положеніе, а въ народной памяти превратился въ основателя его.

Точно также мы не рѣшились бы доказывать, что монастырь не по праву пользовался упомянутыми въ грамотѣ владѣніями и доходами.

Монастырь могъ получить или дѣйствительно отъ князя Ѳеодора или отъ другихъ лицъ раньше его или даже послѣ него все, что̀ упомянуто въ грамотѣ, но только—или не было сдѣлано письменнаго акта или, хотя таковой и былъ сдѣланъ, но со временемъ былъ утраченъ, и монастырь продолжалъ antiqua consuetudine пользоваться дарованнымъ. Когда же у монастыря стали отбирать имущество или когда стала угрожать хоть опасность этого, естественно могла явиться мысль подкрѣпить свое право по давности фактическаго владѣнія формальнымъ доказательствомъ.

Этимъ кончаемъ наши замѣчанія, уступая слово И. И. Холодняку.

А. Петровъ.

Лѣто 1905 г.

---

1) Простой ли случайностью можно считать то, что помѣтка на оборотѣ грамоты (см. выше стр. 270, пр. 3) сдѣлана именно дѣятельнымъ пропагандистомъ уніи, епископомъ Аѳанасіемъ Крупецкимъ?

Палеографическій этюдъ.

(Посвящается В. И. Ламанскому).

Предложенный нашему разсмотрѣнію документъ—грамота князя Ѳеодора Коріатовича монастырю св. Николая близъ гор. Мукачева на владѣніе доходами съ нѣсколькихъ поименованныхъ въ текстѣ угодій, т.-е. частная donatio весьма обыкновеннаго типа. Актъ писанъ на пергаменѣ, $3^1/_2 \times 8$ вершковъ, въ 21 строку *вдоль* листа; печати въ настоящее время не имѣетъ, но слѣды проколовъ для шнура еще видны. Объ этой сторонѣ внѣшности документа нѣтъ надобности распространяться, такъ какъ она никакихъ особыхъ замѣчаній не вызываетъ; зато полное право на наше вниманіе имѣетъ *письмо*, къ анализу котораго и переходимъ.

Документъ датированъ «anno D(omi)ni (M)CCCLX», т.-е. 1360-мъ годомъ, съ пропускомъ цифры M, что уже само по себѣ является не совсѣмъ обычнымъ; во всякомъ случаѣ составитель документа желалъ пріурочить его къ XIV вѣку.

Для начертанія текста онъ избралъ однако не обиходный *курсивъ* или *полукурсивъ* XIV вѣка, который, особенно во 2-й половинѣ столѣтія въ своихъ болѣе округлыхъ и разгонистыхъ разновидностяхъ составляетъ прямой переходъ къ обиходному же письму XV вѣка, и для мало-мальски опытнаго писца не долженъ составлять никакой особой трудности,— а избралъ *книжный минускулъ*, т. е. письмо, хотя и употреблявшееся для документовъ, но не бывшее для нихъ обиходнымъ, и значительно болѣе трудное для исполненія.

Но здѣсь и начинается рядъ крупныхъ палеографическихъ недоразумѣній.

Мы видимъ прежде всего, уже на первый взглядъ, и чѣмъ внимательнѣе вглядываемся, тѣмъ въ большей степени, какую-то шаткость, неувѣренность почерка, которая можетъ происходить отъ двухъ, главнымъ образомъ, причинъ: или отъ неопытности писавшаго вообще, или отъ малой привычки его именно къ тому почерку, которымъ онъ пишетъ данный текстъ; но тщательный анализъ ductus'овъ писца нашей рукописи долженъ, думается намъ, убѣдить всякаго въ томъ, что хотя его латынь и оставляетъ желать бо̀льшей правильности, хотя бы даже въ предѣлахъ знанія языка въ то̀ время и въ той мѣстности, но рука его неопытной въ ars scribendi названа быть не можетъ: *нажимы* пера выдержаны вездѣ довольно ровно,

нижніе *срѣзы* литеръ даютъ вездѣ почти тотъ же уголъ, *кругдты* ведены увѣренно, наконецъ литеры, за которыя писецъ, такъ сказать, не опасается, напр. круглое s, начертаны довольно смѣло и привычно; но иное дѣло, если мы представимъ себѣ писца *опытнаго вообще,* но не набившаго себѣ руку именно въ *воспроизводимомъ* имъ въ данный моментъ почеркѣ, который онъ *копируетъ*, но не которымъ онъ самъ *пишетъ* обыкновенно,—тогда и получится именно та картина, которая представлена на нашей таблицѣ [1]) въ 1-мъ столбцѣ: особенно характерны начертанія a, b, d, f, h, n, p(ro), s (longa), t и u; нельзя ни минуты допустить предположенія, что такое разнообразіе ductus'овъ происходитъ изъ неопытности *вообще*, а не изъ неопытности именно *въ этомъ минускулѣ*, воспроизвести который понадобилось нашему писцу для извѣстной цѣли; видно притомъ, что *послѣднія* строки документа писаны нѣсколько тверже и увѣреннѣе *начальныхъ*, какъ будто къ концу пишущій въ извѣстной степени *овладѣлъ* своимъ письмомъ.

Какого же времени письмена онъ пытается воспроизвесть? Что это вообще говоря *не есть минускулъ* половины XIV вѣка—говорить нѣтъ надобности: если въ частностяхъ начертаній кое-гдѣ замѣтны типичные изломы и развилинки этой эпохи, то несходства гораздо больше.

Для сравненія мы сопоставили на нашей таблицѣ нѣсколько типичныхъ образчиковъ обычнаго книжнаго и отчасти документальнаго минускула ближайшихъ періодовъ, т.-е. XIII и XIV вѣковъ, воспользовавшись для XIII вѣка—1) cod. Monac. Chroust, IX, 9—10; 2) id. IX, 8; 3) id. IV, 7; 4) id. IV, 10; 5) cod. Vindob. Staatsarch. n. 341, id. VIII, 10; для XIV в. 1) cod. Berol. theol. fol. n. 136 (Arndt 59) и 2) cod. Berol. lat. Q. n. 291 (Arndt 58).

Изъ этого сопоставленія ясно видно, что наиболѣе близки начертанія нашего документа не къ XIV, *а именно къ XIII вѣку*, хотя грамота датирована XIV-мъ: таже фигура *a* (въ XIV в. оно въ минускулѣ обыкновенно закрытое, въ курсивѣ и полукурсивѣ—открытое), d (большого и малаго), f, h (особенно строчнаго), n (прописное и строчное писаны въ нашемъ документѣ одной фигурой), o (большого и малаго), q, r, s, t (прописное t документа—изъ ранней эпохи), u; за XIII в. говоритъ также и сильное преобладаніе округлостей надъ изломами. Надстрочные знаки—обычнаго минускульнаго типа, только въ словѣ po[r]cos (стрк. 8 сверх.) допущенъ надстрочный знакъ для r довольно мало употребительной формы.

Изъ сказаннаго вытекаетъ: 1) что писецъ копировалъ рукопись минускульнаго типа XIII вѣка; это *не могъ быть* конечно *оригиналъ* документа, такъ какъ онъ долженъ былъ относиться къ XIV-му; желая *создать* такой

1) Табл. II.

оригиналъ и не имѣя для этого подъ руками хорошихъ образцовъ письма *надлежащей* эпохи, писецъ взялъ «scripturam antiquiorem» *ближайшей*, но до нѣкоторой степени невольно приблизилъ ее къ XIV-му вѣку; 2) что поддѣлка эта совершена или съ цѣлью возсоздать утраченный оригиналъ, или (что вѣроятнѣе)—составить *подложный* документъ для какихъ-либо опредѣленныхъ цѣлей, установить которыя можетъ историческій анализъ нашей рукописи.

XIV-му вѣку во всякомъ случаѣ она принадлежать не можетъ.

И. Холодняк.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Грамота Іоанна Корвина Гуньяда отъ 1493 г.

Архіепископъ Трансильваніи графъ И. Баттьяни въ «Leges ecclesiasticae Regni Hungariae». Albae Carolinae. 1785. I, 514—516 рѣшительно доказывалъ подложность грамоты Ѳеодора Коріатовича 1360 г., опираясь на грамоту Іоанна Корвина Гуньяда 1493 г., хранящуюся въ архивѣ Ягерскаго капитула. Баттьяни издалъ ее въ своемъ трудѣ, списавъ, по его словамъ, ex ipso originali, verum mendose exarato, summa integritate. Еще ранѣе Баттьяни въ 1725 г. Мукачевскій католическій плебанъ Фердинандъ Левъ (Lew) представилъ эту грамоту Ягерскому капитулу, прося выдать засвидѣтельствованную съ нея копію [1]), что̀ и было сдѣлано капитуломъ съ замѣткой: печати у грамоты нѣтъ, хотя и видны ея слѣды [2]). Оригиналъ, вѣроятно, оставленъ былъ въ архивѣ капитула, гдѣ и могъ имъ впослѣдствіи воспользоваться гр. Баттьяни. Надо, впрочемъ, замѣтить, что оба списка съ оригинала не вполнѣ тождественны, хотя Баттьяни, какъ онъ заявляетъ, списывалъ summa integritate, капитулъ—de verbo ad verbum, diminutione et augmento absque omni, но, повидимому, одинаково неточно.

Приводимъ, по изданію Баттьяни [3]), мѣста грамоты, имѣющія отношенія

1) Nos Capitulum Ecclesiae Agriensis, и т. д. quod— —Ferdinandus Lew, Plebanus Munkacsiensis— —exhibuerit— —nobis— —quasdam literas— —Ioannis Corvini de Hunyad— — confirmationales seu collationales ratione certarum Decimarum ad plebaniam Munkacsiensem spectantium (Basil. II, 49—50).

2) Ib.: literas, licet quidem absque sigillo pendente, nihilominus tamen sigilli loco (!) apparentes.

3) Отмѣчаемъ въ скобкахъ отступленія Ягерскаго транссумпта (Basil. II, 50—54).

къ оцѣнкѣ подлинности предъявленной епископомъ Іоанномъ грамоты Ѳеодора Коріатовича.

Commissio propria dominis Ducis. (Яг. Commissio— —Ducis-нѣтъ). Nos Iohannes Corvinus de Hunyad, Sclavoniae, Opaviae, Liptoviaeque Dux etc.— —Cum nos aestate proxima in castro nostro Soklos (Szoklos) constituti fuissemus, venit coram nobis— —Iohannes episcopus Ruthenus ritum Graecorum tenens, in claustro s. Nicolai supra oppidum nostrum Muvvkách (Munkács) fundati (fundato) degens, exhibuitque nobis quasdam sex litteras, unas— —condam Theodorici, Ducis Godoliae (Podoliae) assertas (conscriptas), alias (alteras) Despoti Magni, Rascianorum idiomate confectas, tertias avi nostri Iohannis de Hunyad, gubernatoris olim regni Hungariae, quartas et quintas genitoris nostri— —Mathiae, Hungariae Bohemiae etc. regis, sextas autem conventus ecclesiae s. Crucis de Lelesz, penes quas idem Iohannes episcopus Rutenus curavit nobis supplicari, ut quasdam decimas vinorum de promontorio Levathka (Levaska) ac (Яг.-нѣтъ) item frugum et bladorum de medio jobagionum (jobbadiorum) nostrorum in Oroszwég et oppido Munkáth (Munkács и далѣе) comoran(tium), proven(ientes) ac septem porcos de incolis Oroszwég eidem faceremus reddere et restituere. Ad cujus supplicationem animum nostrum cum inclinassemus et litteras praenotatas perspicacius intuiti fuissemus fecissemusque cum secretario et consiliariis perspicere, visum nobis fuit una cum eisdem originales litteras— —Theoderici (Theodorici) ducis false et inique fuisse confectas; proinde, quia animus noster erat castrum nostrum Munkách proxime visitare, distulimus in adventum nostrum ad castrum— —Munkách negotium hoc terminandum. Ubi cum jamjam adventassemus, rursum denuo— —Iohannes, episcopus Rutenus, praesentiam nostram adiens (adveniens), supplicavit nobis, quatenus litteras memoratas eidem confirmare et proventus annotatos eidem administrari facere dignaremur. Ex opposito adstitit coram nobis— —Dionisius, artium liberalium magister, ecclesiae s. Martini episcopi et confessoris in oppido Munkách fundatae plebanus, proponens, qualiter— —Iohannes, episcopus Ruhtenus (Ruthenus), falsis litteris mediantibus jura plebaniae suae diruere molitus sit, quodque (quomodoque) praedecessor ejusdem episcopi Lucas, presbyter Ruthenus, in dicto claustro s. Nicolai olim commorans, ab avo et genitore nostro— —false et inique semper (Яг.-нѣтъ) litteras impetrasset, allegans semper (insuper), quoniam indignum et ss. Patrum sancitis contrarium foret, ut christiani suas decimas schismaticis dare debeant. Advenerunt (advenientes) praeterea coram nobis populi et jobagiones— —christiani,— —exorantes (exorando), quatenus dignaremur annuere, ut decimas eorum non schismaticis, sed plebano ipsorum darent, prout— —Elisabeth, avia nostra, et genitor noster

jam prius statuissent. Itaque — — vires litterarum perspicacius nos intendere volentes, cum his doctis viris, qui ad latus nostrum tunc adhaerebant, litteras adnotatas (praenotatas), per — — Iohannem episcopum exhibitas, diligentissime cum cura et studio jussimus perspicere et pro evidentiori causa fecimus inquirere veteres litteras — — ducis Theodorici investigan(do), si his litteris, quas — — Iohannes episcopus exhibuit, responderent. Cumque unae litterae dicti — — ducis per rectorem hospitalis, Dominicum de Thúr in Zar (Szasz) commorantem, oblatae fuissent, vidimus et cognovimus nulla ex parte litteris his, per episcopum exhibitis, respondere, et titulum, et sigillum longe diversum fore. Insuper per alia plura documenta cognovimus eas ipsas litteras nomine — — Theoderici (Theodorici) ducis, saepedicto claustro confectas et per Iohannem episcopum exhibitas, falsas, iniquas et viribus carituras esse, quia etiam cognovimus apertissime pargamenum pollitum et priorem scripturam de eo deletam esse, et, per consequens, alias omnes litteras ratione ejusdem a (et) — — Despoto, Ioanne gubernatore avo et rege Matthia, genitore nostro (nostris), — — ac conventu (conventus) s. Crucis de Lelesz ac etiam per nos datas indebite et injuste fuisse confectas; quas quidem sex litteras similiter et nostras, prius praetextu rei hujusce (hujuscemodi) datas, suadente justicia et juris aequitate cassavimus cassamusque et viribus destitutas esse censemus praesentium per vigorem. Cumque — — Ioannes episcopus Ruthenus cognovisset litteras suas falsas et iniquas esse, ultro sponte (et sponte) renunciavit decimis vinorum, bladorum et frugum de promontorio Lewathka (Levaska) et jobbagionibus (a jobbadionibus) oppidi nostri Munkács et Oroszvég, christianis scilicet, claustro suo provenien(tibus) et pervenire (provenire) debentibus, profitens, quod — — Dionisius plebanus et sui successores perpetuo recipere possent, nec hoc pareteremittens (!—praetermittendo), ut de ceteris et ab his, qui ritum colunt Graecum, decimas vinorum et bladorum de promontorio Lewathka (Levaska) . . . . . (въ Яг. этотъ пропускъ оригинала не отмѣченъ) et idem ratione septem porcorum de medio nostrorum jobagionum, in Oroszvég commorantium, praefato claustro s. Nicolai ante tempora dari solitorum— —Dionisius plebanus et Iohannes episcopus in hujusmodi devenerunt ordinationem et (ordinem) unionem— —. In cujus rei testimonium (memoriam)— —praesentes litteras nostras majoris sigilli nostri appensione (appressione) communitas — — Dionisio plebano suisque successoribus universis duximus concedendas. Datum in castro nostro Munkách in festo b. Dorotheae — — anno 1493. Lecta et correcta in decimatione bladorum.

Отрицательное отношеніе гр. Баттьяни къ грамотѣ 1360 г. было однимъ изъ главныхъ побужденій, заставившихъ Базиловича приняться за

свой трудъ[1]). Базиловичъ въ свою очередь объявляетъ грамоту Іоанна Корвина подложной[2]).

Дулишковичъ II, 12 (т.-е. собственно Лучкаи, Historia Carpatho-Ruthenorum)[3]), ссылаясь на какія-то рукописи, указываетъ и предполагаемыхъ виновниковъ поддѣлки: «Рукопись—Archiepiscopi—подъ заглавіемъ Munkács, гдѣ пишется: quod opus hoc sit productum Martini Rosznyák de ordine Eremitarum s. Augustini, qui opus suum continuationi Conciliorum Péterfyanorum deserviens a 600 fl. vendidit memorato comiti de Battyány. Въ той рукописи еще и то стоитъ, какъ бы то Берегсаскій органистъ имѣлъ быти сочинителемъ той мнимой Іоанно-Корвиновой грамоты, хотя въ рукописи иной Мукачейскій порохъ Левъ Фердинандъ сочинителемъ пишется быти ея и то про взору, ut 1725 tempore resignationis a comite Schönborn large dotetur»[4]).

Эти, неизвѣстно какія, кѣмъ и когда составленныя рукописи передаютъ, очевидно, ходившіе между тогдашнимъ угро-русскимъ духовенствомъ противорѣчивые слухи, не имѣющіе, конечно, силы доказательства. Первый варіантъ обвиняетъ гр. Баттьяни прямо во лжи.

Полемизируя съ Баттьяни, Базиловичъ приводитъ и аргументы въ защиту грамоты 1360 г. и противъ грамоты Іоанна Корвина, но аргументы его весьма слабы и часто наивны[5]).

1) «Почему съ 1493 до 1725 г., т.-е. 232 г. грамота Іоанна Корвина не появлялась на свѣтъ»?

Но это само по себѣ не доказываетъ еще ея подложности. И грамота Ѳеодора Коріатовича 330 лѣтъ, — значитъ, еще долѣе, — не появлялась на свѣтъ.

2) «У грамоты Іоанна Корвина нѣтъ печати».

Но слѣды ея видны, и нѣтъ ничего удивительнаго, что къ XVIII в. печать могла утратиться, особенно если грамота хранилась при плебаніи, а не въ какомъ-нибудь locus publicus, въ родѣ Лелесскаго конвента. На грамотѣ 1360 г. печати теперь тоже нѣтъ, да и въ транссумптѣ 1690 г. хотя, правда, не сказано объ отсутствіи печати, но не подчеркнута и ея наличность, между тѣмъ при томъ существенномъ значеніи, которое получила тогда грамота 1360 г., мы въ правѣ были бы ожидать, что *о печати будетъ* упомянуто.

---

1) Praefatio.

2) II, 55: qui eas (litteras) confinxit, non tam facile etiam sigillum ducis eisdem appendendum effingere et effabricare poterat.

3) См. нашу статью: Старая вѣра и унія въ XVII—XVIII вв. (Новый сборникъ славянов. учен. Лам. стр. 203).

4) Въ 1726 г. Мукачевская доминія передана гр. Францу Лотарю Шёнборну.

5) II, 55—72.

3) «Объявленная Іоанномъ Корвиномъ подложной грамота начинается: Nos Theodoricus dux Podoliae. Quid opus fingere fuit quemdam Theodoricum ducem Podoliae? inauditum, discutiantur Archiva Regni, Prothocola, Historici, nullibi tamen nomen Theodorici ducis Podoliae nullibi ejusdem memoriam, aut vestigium reperire quisquam poterit. *Ѳеодоръ Коріатовичъ*, вотъ кто основатель монастыря!»

Но именно *подлинныя грамоты* только и знаютъ Theodorum, ducem Podoliae [1]).

4) «Если грамота, которую представилъ епископъ Іоаннъ, признана подлогомъ, почему же Іоаннъ Корвинъ не наказалъ обманщика, не лишилъ его монастыря, не отнялъ Бобовиште, Лавку и другіе доходы, дозволилъ ему вступить съ плебаномъ Діонисіемъ въ полюбовную сдѣлку».

Но, во-первыхъ, епископъ Іоаннъ не былъ и обвиненъ въ подлогѣ. Онъ представилъ подложную грамоту, составленную задолго до него, вмѣстѣ съ пятью подлинными, ее подтверждавшими, и могъ быть bona fide увѣренъ въ ея подлинности. Когда же ему было объявлено рѣшеніе, онъ тотчасъ же ultro et sponte отказался отъ своихъ притязаній, такъ что подвергать его наказанію было бы совершенно несправедливымъ. Во-вторыхъ, о Бобовиштѣ и Лавкѣ не было, очевидно, и рѣчи въ грамотѣ. Въ третьихъ, добровольная сдѣлка могла быть допущена потому, что и при подложности грамоты монастырь могъ имѣть на нѣкоторые доходы просто право давности.

5) Когда Швартнеръ, авторъ «Introductio in rem diplomaticam— — praecipue hungaricam». Budae. 1802 г., отнесся скептически къ возраженіямъ Базиловича [2]), послѣдній, въ доказательство подлинности грамоты 1360 г., беретъ изъ того же Швартнера четыре слѣдующіе признака, свойственные, де, подлиннымъ грамотамъ XIII и XIV вв. и отличающіе ихъ отъ подложныхъ: «а) надъ і рѣдко ставится точка, чаще акцентъ, а еще чаще и то и другое отсутствуютъ; б) вм. ae постоянно пишется e; в) много встрѣчается сокращеній; г) длина пергамента больше ширины, и продолжаетъ: In questionato diplomate litera *i* rarius puncto notatur, *e* pro *ae* ponitur, in voce Koriatovits litera *k* cum *o* coarctata ac conjuncta appareret (!),— —denique in membrana magis longa illud descriptum— —asservatur— —; genuinum proinde est et authenticum, nullique suspicioni obnoxium» [3]).

---

1) Theodoricus, можетъ быть, просто невѣрно прочтено вм. Theodorius, Theodorus.

2) Praeluserunt illi (quarto bello diplomatico) jamjam comes I. Battyani et I. Basilovits: ille explodendo diploma, *quod defensoribus omnino opus habet*, hic tuendo illud, *dubiis attamen criticorum etiam post haec adhuc obnoxium* (Basil. VI, 21).

3) Ib. VI, 22.

Что эти послѣднія доказательства Базиловича не имѣютъ никакого значенія, распространяться, конечно, не стоитъ.

Не ознакомившись съ оригиналомъ грамоты Іоанна Корвина, мы не можемъ категорически высказаться о ея подлинности или подложности. Но все-таки она производитъ на насъ впечатлѣніе скорѣе *подлинной* грамоты, чѣмъ поддѣлки, и *менѣе всего*—поддѣлки XVIII в.

1) Титулъ Ѳеодора—dux Podoliae, какъ уже сказано, *дѣйствительно* употреблялся, чего въ XVIII в., какъ видно изъ словъ Базиловича, совершенно не знали.

2) Первая грамота, подтверждавшая грамоту Ѳеодора, была выдана *Великимъ Деспотомъ по-сербски*, и, на самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, послѣ Ѳеодора короткое время владѣли Мукачевомъ Стефанъ Лазаревичъ и Юрій Бранковичъ[1]). Врядъ ли память о нихъ долго хранилась, а въ XVIII в. и подавно ничего о нихъ не было извѣстно.

3) Пять грамотъ, подтверждавшихъ грамоту 1360 г., были, какъ можно судить по контексту, кассированы не потому, чтобы и онѣ были подложны, а потому, что онѣ подтверждали подложную. Кассированныя грамоты, конечно, были перечеркнуты или уничтожены и, во всякомъ случаѣ, изъяты изъ рукъ епископа Іоанна. И, дѣйствительно, изъ всѣхъ документовъ, напечатанныхъ у Базиловича, нѣтъ ни одного, который бы подтверждалъ (litterae confirmationales) какую-нибудь грамоту Ѳеодора Коріатовича.

Въ заключеніе обращаемъ вниманіе на обстоятельство, ускользнувшее и отъ Баттьяни и отъ Базиловича. Объявленная въ 1493 г. подложной грамота Ѳеодора, князя Подолья, *вовсе не есть извѣстная намъ грамота 1360 г., а какая-то другая, до насъ не дошедшая.*

Во-первыхъ, выдаватель ея именовалъ себя не Teodorus Keriatovich, а Theodor‹ic›us dux Podoliae; во-вторыхъ, она—палимпсестъ, чего совсѣмъ нельзя сказать о грамотѣ 1360 г., въ третьихъ—содержаніе ея гораздо ýже, чѣмъ грамоты 1360 г. Ее Ягерскій капитулъ опредѣляетъ, какъ litterae confirmationales seu collationales ratione certarum *decimarum*, ad plebaniam Munkacsiensem spectantium[2]) и, дѣйствительно, въ грамотѣ Іоанна Корвина объ этихъ decimae (да еще о sedem porci) только и идетъ споръ, а обо всемъ остальномъ, что̀ пожаловано по грамотѣ 1360 г., и рѣчи нѣтъ.

Наконецъ, въ грамотѣ Іоанна Корвина нѣтъ и намека на то, чтобы Ѳеодоръ былъ основателемъ монастыря.

---

1) См. выше стр. 273.
2) Basil. II, 50.

Эта неизвѣстная подложная грамота—если, конечно, подлинность Корвиновой будетъ признана доказанной—составлена была скоро по смерти Ѳеодора Коріатовича. *Великій деспотъ сербскій*, очевидно, или Стефанъ Лазаревичъ или Юрій Бранковичъ. Послѣдній владѣлъ Мукачевомъ въ 1428 г., и, слѣдовательно, подложная грамота возникла между 1414 и 1428 годами[1]).

II.

Документы, относящіеся къ пребыванію Ѳеодора Коріатовича въ Угріи[2]).

*1) 1398 г. Король Сигизмундъ Лелесскому конвенту: Ввести во владѣніе помѣстьемъ Sarkad Станислава, сына Іоанна, Іоанна, Петра, Георгія и Богдана, родственниковъ (rokonait) Ѳеодора и его брата (testvér—собств. кровнаго) Василія, тоже князя (herczeg) Подолья; помѣстье это пожаловано съ утвержденія короля за вѣрную службу Станислава.

2) 1401 г., acta № 2[3]). То же:— —Illustris princeps dominus Theodorus, dux Podoliae et dominus de Monkacs, жаловался намъ, что Georgius et Cosma, filii Nicolai, Michael et Iohannes, filii Emerici de Kirsanow— — напали на его jobbagiones ad silvam ipsius domini ducis, ad castrum suum Munkacs praedictum pertinentem— —.

Конвентъ отвѣчаетъ: произведенное слѣдствіе подтвердило справедливость жалобы.

*3) 1404 г. Король Сигизмундъ за вѣрную службу князя Подолья, наджупана Бережскаго и Уйварскаго, жалуетъ ему 300 золотыхъ флориновъ, изъ тѣхъ 20.000 фл., которые долженъ въ это время уплатить городъ Кошицы. Деньги получены Ѳеодоромъ въ день Рождества Богородицы, какъ это видно изъ его подлинной росписки, находящейся въ Кошицкомъ городскомъ архивѣ. На ней еще сохранился поврежденный отпечатокъ круглой въ 3 сент. діаметромъ печати зеленаго воска, изображающей всад-

1) У Легоцкаго (III, 173) сообщено—безъ указанія источника—слѣдующее извѣстіе: «въ XV в. Бобовиште и Лавка были возвращены Мукачевской доминіи; вѣроятно потому, что въ 1458 г. Іоаннъ Hollós поставилъ подъ сомнѣніе подлинность грамоты Коріатовича 1360 г.». Важно было бы знать, дѣйствительно ли въ документѣ, содержаніе котораго здѣсь передастся, точно обозначено, что выражено было сомнѣніе въ подлинности грамоты *именно 1360 г.*, или же 1360-й годъ добавленъ Легоцкимъ? Во всякомъ случаѣ любопытно, что уже такъ рано казались подозрительными грамоты Ѳеодора Коріатовича. Какъ, однако, согласовать извѣстіе Легоцкаго съ грамотой М. Корвина 1458 г.? Оставляемъ вопросъ открытымъ.

2) №№ 1—2 и 4—15 взяты изъ Лелесскаго, № 3 изъ Кошицкаго городского архива. Только у Легоцкаго (*) отмѣчены №№ 1, 3, 8, 10, 11, 14, только у насъ (**)—5, 6, 7, 12, 13; №№ 2, 4, 9, 15 отмѣчены обоими.

3) Акты Лелесскаго архива расположены по годамъ въ отдѣльныхъ связкахъ, и въ каждой связкѣ особая нумерація. До 1553 г. они заново переписаны въ Protocolla и составленъ подробный Elenchus.

ника съ обнаженнымъ мечемъ, ѣдущаго налѣво; уцѣлѣла и часть изображенія коня, покрытаго одеждой.

4) 1406 г., acta № 15 [1]). Сигизмундъ Лелесскому конвенту: Gregorius, filius Benedicti, Stephanus, filius Dominici, Georgius, filius Andreae, Ladislaus, filius Ioannis, alius Ladislaus, filius Daba de Kerepecz жаловались, что Theodorus, dux Podoliae, comes comitatus de Beregh, давно уже чинилъ имъ насилія, нападалъ на ихъ territorium Kerepecz и наконецъ завладѣлъ послѣднимъ.

Конвентъ: Жалоба справедлива, но не вполнѣ. Конвентъ вызвалъ dominum Theodorum ducem in possessione sua Chomonya явиться къ такому-то сроку Vestrae Sublimitatis in praesentiam, rationem de praemissis redditurum efficacem.

**5) 1407 г., acta № 7. То же: Жаловался princeps Theodorus, dux Podoliae, comes comitatus de Beregh, avunculus noster carissimus, на Paulum de Atya. Упоминается possessio Ѳеодора Chomonya.

**6) 1408 г., № 5. То же: Жаловались Ugrinus et Egidius, filii Michaelis, ac Nicolaus et Ioannes, filii ejusdem Ugrini, et Simon, filius Egidii de Komlós, на Theodorum ducem de Mutasch (!), что тотъ годъ держалъ въ заточеніи Николая, захватилъ ихъ помѣстья Komlós и Kövesd.

Конвентъ: Жалоба справедлива; Ѳеодоръ вызванъ in possessione sua Déda явиться Vestrae Sublimitatis in praesentiam, rationem de praemissis redditurus.

**7) 1408, № 13. То же: Dicitur nobis in persona illustris principis ducis Podoliae et comitis de Beregh, quod ipse Paulum, filium Petri de Scnethe, jobagionem suum alias, in certis legationibus suis— —ad Ladislaum archidiaconum et canonicum in ecclesia Agriensi destinasset, qui— —ipsum nullis culpis suis exigentibus diris verberum et vulnerum plagis sauciasset, semivivum relinquendo— —.

*8) 1409 г. Князь Ѳеодоръ ведетъ процессъ съ Теобальдомъ (?—у Легоцкаго—Tiba) и Іоанномъ, сыновьями Петра Salánki, изъ-за земли, принадлежавшей къ Бережскимъ владѣніямъ князя и ими захваченной.

9) 1412 г. № 10. Сигизмундъ Лелесскому конвенту: Ex querela— — principis— —Theodori, ducis Podoliae, avunculi nostri,— —percepimus, quomodo Nicolaus, filius Ugrini de Komlós, et alii nobiles de eadem possessionem Komlós— —et Kövesd— —, ad castrum nostrum Munkach spectantes, eorum fore asserendo, in congregatione generali Universitatis nobilium et alterius status comitatus de Beregh hominum, per— —comitem Symonem de Rozgon pridem celebrata, litteras affirmatorias pro se ipsos emanari procu-

1) Цѣликомъ напечатано у Fejér, Cod. dipl. Hung. Budac. 1841. X_4, №№ 269, 270.

rassent, quarum vigore idem nobiles de Komlós, ipsum Theodorum ducem in causam attrahendo,— —novissime eandem possessionem reobtinuissent et nunc in dominium ejusdem vigore litterarum praefati comitis Symonis adjudicatoriarum se statui facere conarentur in praejudicium juris nostri valde magnum — —. Вызовите ихъ къ намъ со всѣми ихъ документами.

*10) 1414 г. Постановлено привести князя Ѳеодора къ присягѣ по процессу его съ Петромъ Salánki.

*11) Въ томъ же 1414 г. въ указѣ королевскомъ, данномъ въ Вышеградѣ, относительно процесса Salánki съ княземъ Ѳеодоромъ, о послѣднемъ говорится, какъ уже о покойномъ.

**12) 1415 г. № 73. Король Сигизмундъ Лелесскому конвенту: Dicitur nobis in personis Georgii et Jacobi, filiorum Galli de Zeech, quomodo .....)[1]) Theodori, ducis Podoliae, temporibus jam praeteritis, possessionem ipsorum Chesfalu,— —in comitatu de(...)[1]) existentem, omni sine lege fuisset depraedatus ac universas res et bona ipsius possessionis non modici valoris abstulisset et spoliasset. Вызовите въ судъ praefatum Helele и произведите слѣдствіе.

Конвентъ: Слѣдствіе произведено. Helele, familiaris dicti condam Theodori ducis, вызванъ in possessione, Vari vocata, officiolatu videlicet suo.

**13) 1416 г. № 11. То же: Dicitur nobis in personis— —dominae relictae condam Theodori ducis ac— —Annuska et Maria— —filiarum suarum, quod Stanislaus de Dolha in anno, cujus secunda instaret revolutio, contra voluntatem et absque consensu ipsarum collectam et proventus, ipsis in Marmarusio provenire debentes, pro se recipiendo, eisdem quingentorum florenorum auri dampna intulisset potentia mediante. Произведите слѣдствіе.

*14) 1417 г. Вдова князя Ѳеодора Walha и дочь Annus ведутъ процессъ противъ Георгія и Станислава Dolhai изъ-за насильственныхъ дѣйствій послѣднихъ въ ихъ владѣніяхъ въ Мараморошѣ и Макарьевѣ.

15) 1418 г., № 63. Сигизмундъ Лелесскому конвенту: Жалуются Jacobus, filius Galli de Zeech, ac Georgius, filius Jacobi de eadem, quod Helele, officialis ducissae de Munkach, temporibus proxime praeteritis ad possessionem eorundem Chedfalva veniendo, quemdam jobagionem ipsorum— —non recepta licentia nec justo terragio[2]) deposito ac aliis debitis minime persolutis unacum universis rebus et bonis ejusdem ad possessionem Várÿ, officiolatum suum, traduxisset moraturum— —lite tamen inter ipsos pendente.

---

1) Точки въ оригиналѣ.

2) Terragium = census agrarius (Bartal).

III.

Преданія о дѣятельности Ѳеодора Коріатовича въ Угріи.

К. Стадницкій I, 174—177, и пр. 73, 74, 80, 81.

1) N. Istvanffi Pannonus, Regni Hungariae Historiae. Coloniae Agrippinae. 1622: Мукачевскій замокъ выстроенъ Ѳеодоромъ Коріатовичемъ (Queriatovicsius) съ согласія королей Карла и Людовика.

2) M. Szent-Ivany, Curiosiora— —Miscellanea. Tyrnaviae. 1689— то же самое (почти буквально выписано изъ Иштванфи).

3) L. Thuróczi, Hungaria suis cum regibus. Tyrnaviae. 1729: Мукачевскій замокъ построилъ Ѳеодоръ Коріатовичъ (Kierathoviensis) при Людовикѣ I въ 1370 г. (у Базиловича—1360 г.). Онъ же близъ Мукачева основалъ мужской монастырь св. Николая, а жена его Доминика—женскій; послѣдній теперь въ развалинахъ.

4) S. Katona, Historia critica Regum Hungariae Stirpis Mixtae. Budae. 1788—1790: Катона въ 1779 г. видѣлъ вырѣзанное на главныхъ воротахъ Мукачевскаго замка имя Ѳеодора Коріатовича.

5) I. Basilovits, Notitia и т. д.: Ѳеодоръ Коріатовичъ построилъ въ Берегсасѣ костелъ и госпиталь для католиковъ (Praefatio и II, 65).

Наши дополненія.

6) І. Дулишковичъ, Историческія черты угро-русскихъ. Унгваръ. 1877 г. сообщаетъ (III, 164, 165 прим.) письмо Берната, чиновника гр. Аспермонта, къ епископу Мануилу отъ 22-го января 1762 г.: § 4. In dominii Makovicza pagis parochias Gr. R. suas excisas habere appertinentias, easque determinatas transactio Quiriatkovicsiana usu a saeculis continuato ac urbariis antiquissimis firmata testatur, ex qua ad cassam publicam comitatensem nil contribuunt— —. § 5. Juxta transactionem Quiriatkovichianam cum dominis dominii Makovicza jus patronatus dominis comitibus ab Aspermont tanquam stipulatum competere, quali, transactionali jure, usu ac praxi continuis firmato, privari non possunt.

7) Korabinsky, Geogr. Lex. 1786, p. 794: Ѳеодоръ Коріатовичъ построилъ русскую церковь въ Шаторъ-алья-Уйгель (Дул. II, 13 пр.).

8) Basilovits, Notitia и т. д.: Епископъ Іоанникій (Зейканъ) въ 1661 г. на средства Константина, валашскаго воеводы, выстроилъ въ Мукачевскомъ монастырѣ каменную церковь вмѣсто старинной деревянной и помѣстилъ съ

правой стороны церкви каменную доску съ кирилловской (Ruthenicis litteris) надписью, такъ переданной Базиловичемъ латинскими буквами:

Theodor Keriatovics Knyazem bil,
Za otpuszcsenie hrichov Manastir zrobil.
Drevjana czerkov ot viku zostavala,
A terazneissaho Roku 1661 kamennaja sztala и т. д. (I, 100—101).

По словамъ Дулишковича (II, 122), эта каменная церковь была въ 1826 г. уничтожена протоигуменомъ Іоанникіемъ (Schem. Munk, ad. an. 1876—Бонифацій) Стромецкимъ.

9) I. Bidermann, Die ungarischen Ruthenen. Innsbruck. 1862 г. I, 8: въ Мараморошѣ существуетъ преданіе, что Ѳеодоръ Коріатовичъ заселилъ русскими долину р. Талабора.

IV.

Текстъ грамоты 1360 г. въ оригиналѣ [1]).

Nos Teodorus Keriatovich dei gr*aci*a dux de munkach Vniuerſis *et* ſingulis tam preſentib*us* q*uam* futuris

preſentes viſuris harum ſerie pate facimus Quod Nos p*ro* ſalute a*nim*e no*ſt*re fecimus co*n*ſtrue*re et* edifica*r*e

monaſteriu*m* S*anct*i Nicolai ep*iſcop*i et *con*feſſoris p*ro*pe opidu*m* no*ſt*r*um* munkach q*uem* ad ritu*m* et more*m* greco*rum* uel

ruthenor*um* *con*ſecrare: Et ad eunde*m* monachos ruthenos conſtituim*us* qui in p*er*petuu*m* ibi d*e*o ſeruia*n*t

Et ad ſuſtentac*ione*m eo*run*de*m* monacho*rum* ruthenor*um* de no*ſt*ris p*ro*prijs bonis dedim*us* et donauim*us* duas poſſe*ſſ*io*n*es

villas Bobouijſche et lauca cu*m* om*n*ib*us* p*ro*ue*n*tib*us* et contribucionib*us* ab antiquis t*em*p*or*ib*us* ad eaſde*m* de iure pro

uenire debe*n*tib*us* ſim*u*lcu*m* decimis frugu*m* et vino*rum* ac Bobouijſche cu*m* fluuio et mole*n*dino. Ita q*uo*d de eade*m*

Bobouijſche om*n*i anno Tenea*n*tur dare ſex po*r*cos eiſde*m* monachis et de lauca om*n*i anno quatuo*r* porcos

Deinde v*er*o decimas vino*rum* de mo*n*te Juanijheg. Et ſimiliter de mo*n*te q*ue* v*oca*tur lelijechoka in metis ei*us*

Opidi no*st*ri munkach cu*m* alijs mo*n*ticulis a mo*n*te lelijechoka. vſq*ue* monaſterium adiace*n*tib*us* decimas vino*rum*

conceſſim*us* eide*m* claustro. Et eciam decimas frugum et alio*rum* de campo illi*us* ville qua vocatur

Orozvijg in eade*m* munkach exiſten*te* verſus monaſteriu*m* om*n*i*n*o conceſſim*us* p*re*dicto claustro: Et ecia*m*

de eade*m* Orozvijg om*n*ib*us* annis Teneantur dare eiſde*m* monachis ſeptem porcos: Ite*m* de p*ro*uentib*us*

eiuſde*m* caſtri no*ſt*ri munkach Tenea*n*tur dare fruges dece*m* cubulos et totide*m* siligines et quatuor vaſa

vina et centu*m* sales et centu*m* florenos longos: Ite*m* iſta om*n*ia p*re*ſcripta dedim*us* donauim*us* *et* *con*tulim*us*

---

1) Курсивомъ напечатаны буквы, скрытыя подъ знакомъ сокращеній. Вмѣсто *i*, *ı* и і оригинала напечатаны вездѣ *i*.

IV.

Текстъ грамоты 1360 г. въ изданіи Базиловича (I, 11–13)[1].

Nos Theodorus Keriatovich, Dei gratia Dux de Munkács Universis et Singulis, tam praesentibus, quam futuris,

praesentes visuris. Harum serie patefacimus. Quod nos pro salute animae nostrae fecimus construere, et aedificare

Monasterium Sancti Nicolai Episcopi et Confessoris, prope Oppidum nostrum Munkács, quod ad Ritum, et morem Graecorum, vel

Ruthenorum consecrare: et ad idem Monachos Ruthenos constituimus, qui in perpetuum ibi Domino serviant,

et ad sustentationem eorundem Monachorum Ruthenorum de Nostris propriis Bonis dedimus, et donavimus duas Possessiones

Villas, Bobovische et Lauka, cum omnibus Proventibus et Contributionibus, ab antiquis temporibus ad easdem de Jure pro-

venire debentibus, simul cum decimis frugum, et vinorum, ac Bobobysche cum fluvio, et molendino. Ita quod de eadem

Bobovysche omni Anno teneantur dare sex porcos eisdem Monachis, et de Lauka omni Anno quatuor porcos.

Deinde vero decimas vinorum de monte Iványhegy, et similiter de monte, qui vocatur Lelyechoka, in metis ejus

Oppidi nostri Munkács, cum aliis monticulis; a monte Lelyechoka usque ad Monasterium adjacentibus decimas vinorum

concessimus eidem Claustro: et etiam decimas frugum et aliorum de campo illius Villae, quae vocatur

Orozvig in eadem Munkács existentis versus Monasterium omnino concessimus praedicto Claustro: et etiam

de eadem Oroszvig omnibus annis teneantur dare eisdem Monachis septem porcos: Item de proventibus

ejusdem castri nostri Munkách teneantur dare fruges decem cubulos, et totidem siliginis, et quatuor vasa

vini, et centum sales, et centum florenos longos. Item ista omnia praescripta dedimus, donavimus, et contulimus

---

1) Разрядкой отмѣчены важнѣйшія отступленія отъ оригинала.

perpetue et irreuocabiliter tenendum poſſidendum pariter et habendum predicto clauſtro noſtro pro refrigerio anime noſtre

quem nos fundauimus vbi eciam ſepulcrum noſtrum collocare fecimus: Ita eciam confirmauimus Quod quicunque ex

filijs aut generacionibus uel poſteritatibus noſtris uel aliqui alij iſtam donacionem noſtram non obſtaret uel contradiceret

aut predicto clauſtro perſoluere nollet extunc ipſe coram omnipotenti deo cum anima noſtra litem habeat protrahendi: In cuius

rei firmitatem et perpetuitatem preſentes literas noſtras sigili noſtri appenſione roboratas eidem clauſtro noſtro duximus

roboratas: Datum in munkach octauo die menſis marcij Anno domini. C. C. C. L. X.

perpetue, et irrevocabiliter tenenda, possidenda, pariter et habenda praedicto Claustro nostro, pro refrigerio animae nostrae,

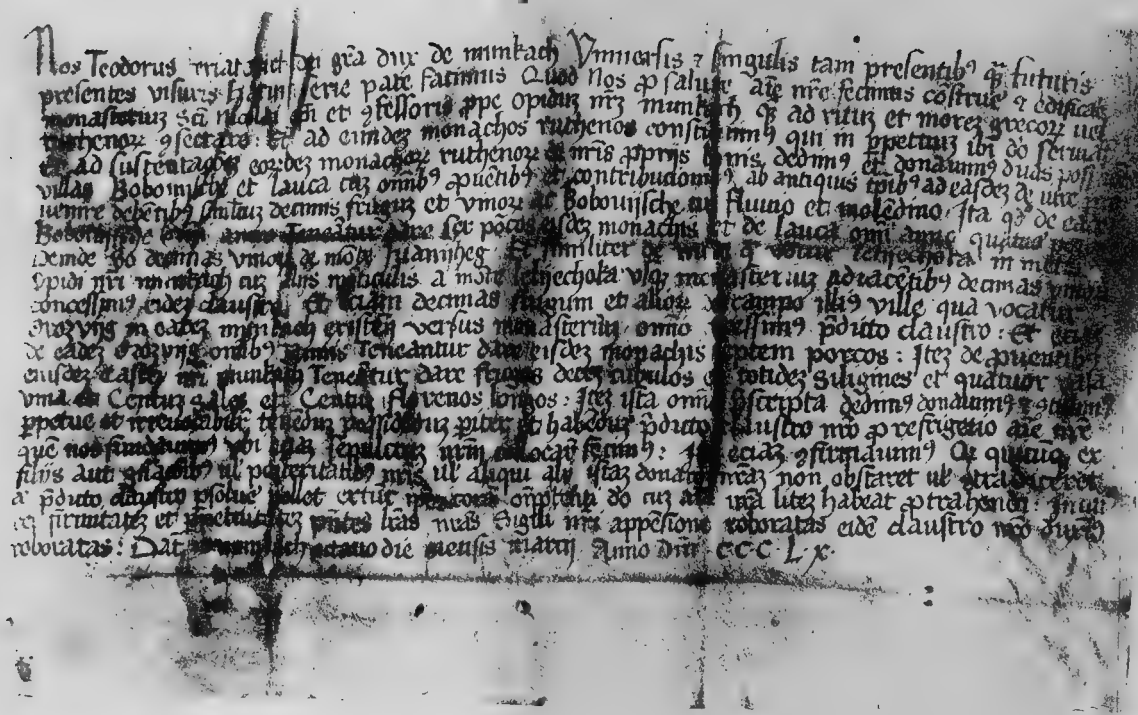
quod nos fundavimus, ubi etiam sepulchrum nostrum collocari fecimus. Ita etiam confirmavimus: quod quicunque ex

filiis, aut generationibus, vel Posteritatibus nostris, vel aliqui alii istam donationem nostram non observaret, vel contradiceret,

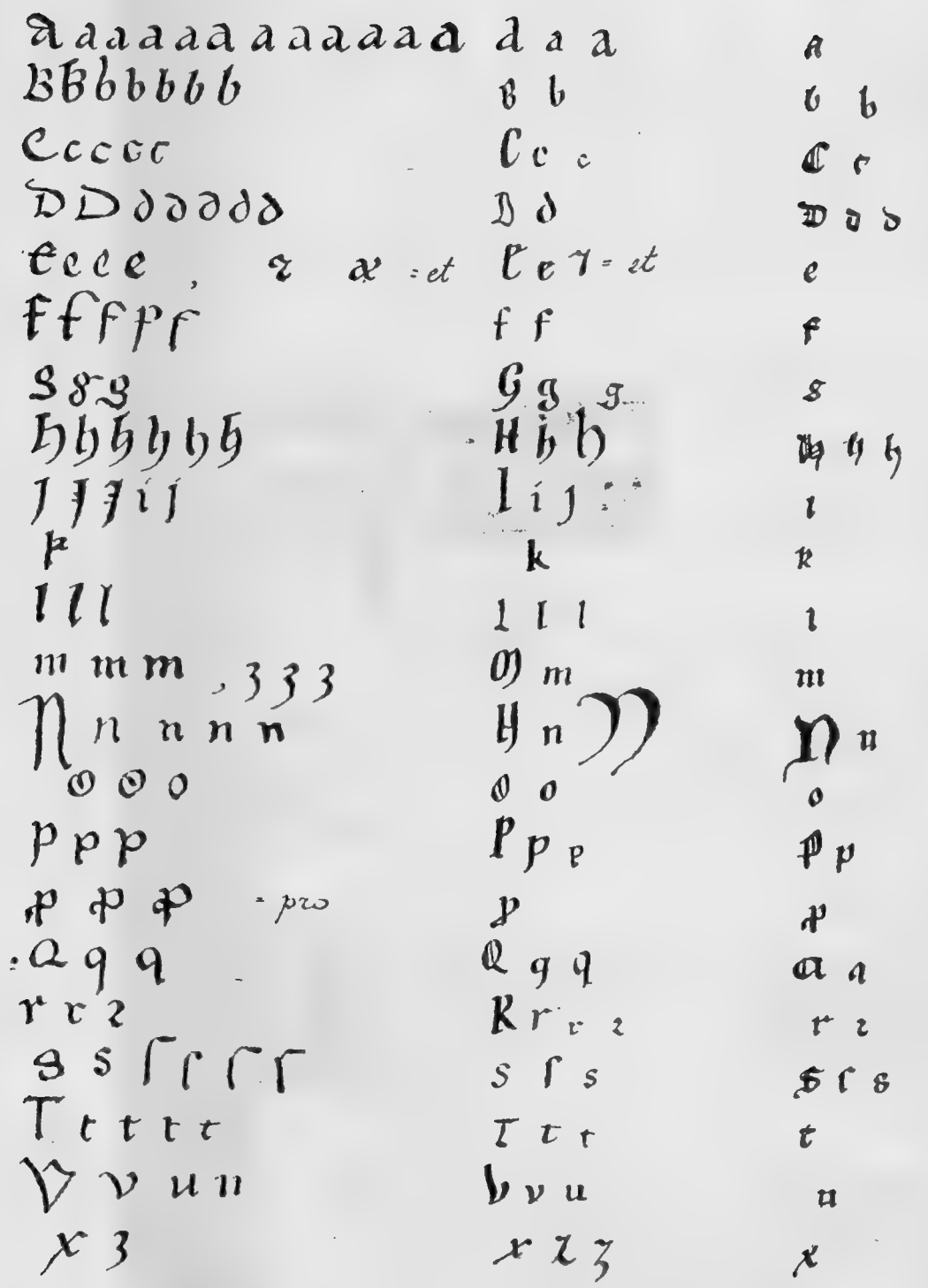
aut praedicto Claustro persolvere nollet, ex tunc ipse coram Omnipotenti Deo cum anima nostra litem habeat protrahendi. In cujus

rei firmitatem et perpetuitatem praesentes Literas nostras Sigilli nostri appensione roboratas eidem Claustro nostro duximus

roboratas. Datum in Munkacs octavo die Mensis Martii, Anno Domini M. CCC. LX.



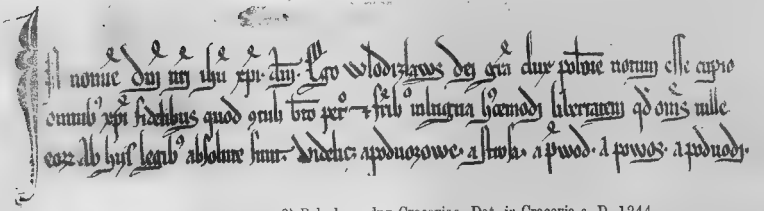
Грамота князя Феодора Коріатовича 1360 г.



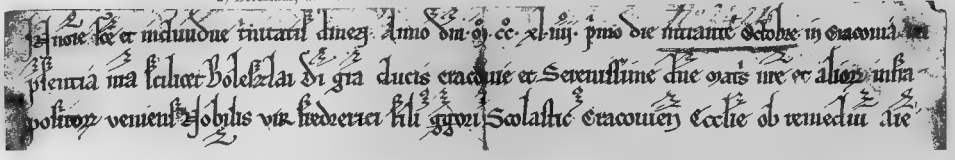
Письмо грамоты и минускулы XIII и XIV вв.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 266371 1966г.

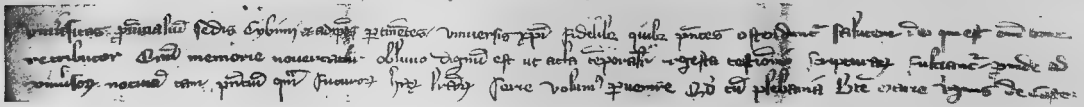
1) Wladislaus, dux Poloniae. Dat. in Poznan a. D. 1216.



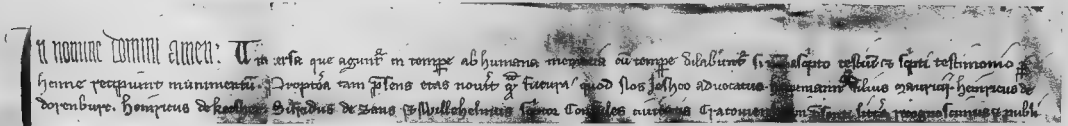
2) Bolezlaus, dux Cracoviae. Dat. in Cracovia a. D. 1244.



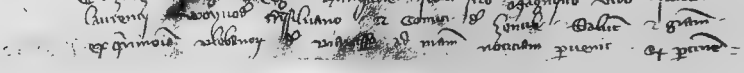
3) Universitas provincialium sedis Cybinii. Dat. a. D. 1302.



4) Consules civitatis Cracoviensis. Dat. a. D. 1304.



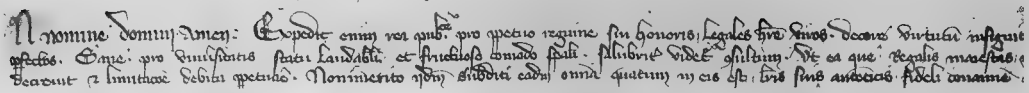
5) Elizabeth, regina Hungariae. Dat. in Pylys a. D. 1352.



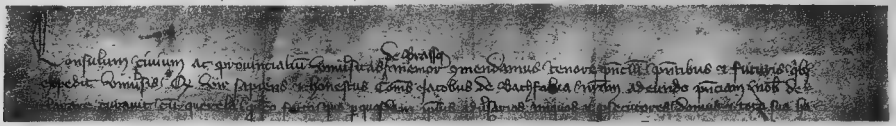
Образцы письма грамотъ XIII и XIV вв. изъ Польши и Трансильваніи.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 26637-19 66.

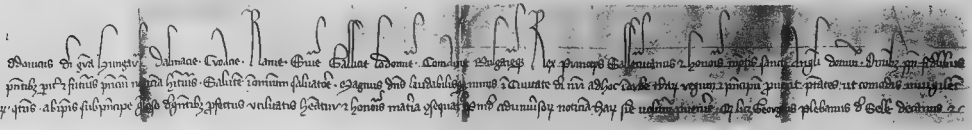
6) Consules, scabini et jurati civitatis Cracoviensis. Dat. a. D. 1364.



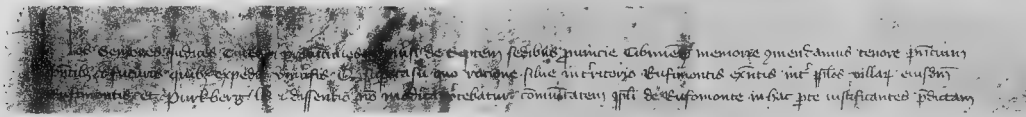
7) Universitas consulum, civium ac provincialium de Brasso. Dat. a. D. 1368.



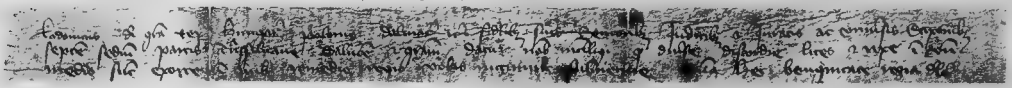
8) Ludovicus I, rex Hungariae (Saxonibus Septem Sedium). Dat. a. D. 1369



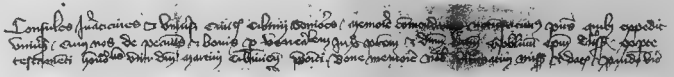
9) Seniores, judices, cives et provinciales de Septem Sedibus pr. Cibiniensis. Dat. a. D. 1377.



10) Ludovicus I, rex Hungariae (Saxonibus Septem Sedium). Dat. a. D. 1379.



11) Consules, jurati cives et universi civ. Cibinii seniores. Dat. a. D. 1386.



Образцы письма грамотъ XIII и XIV вв. изъ Польши и Трансильваніи.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
№26371966